

значением слова в них стирается, и значение слова приближается к содержанию концепта, хотя и не достигает его. Так, М. В. Никитин определяет значение слова как «концепт, связанный знаком» (М. В. Никитин, 2004), что весьма близко точке зрения Р. Джекендоффа, который определяет семантические структуры как часть концептуальных структур, имеющих вербальное выражение (R. Jackendoff, 1983).

Соответственно меняется и семантическое описание слова, поскольку в этом случае важны не только основные понятийные признаки слова или его системные реляционные семантические отношения. Значимым в этом случае становится каждый смысл слова, его оценочный, социально-культурный или прагматический признак, который может проявиться в его производных словах, свободных и устойчивых словосочетаниях и единицах пословичного типа, стилистических и концептуальных метафорах, психолингвистических ассоциативных экспериментах, невербальном поведении и т.п.

Каждый из обнаруженных таким образом семантических, прагматических, синтаксических, перцептивных, социально-культурных признаков эксплицирует, отражает скрытые признаки концепта, концептуальные знания индивидуального и коллективного сознания.

Е. Г. Лукашанец

УНИВЕРБАЦИЯ: МЕЖДУ СИНТАКСИСОМ И МОРФОЛОГИЕЙ

Синтаксический аспект словообразования уже давно привлекает к себе внимание лингвистов. В рамках таких направлений исследований лежит и учение о «взаимопреобразованиях единиц разного уровня» (Е. Л. Гинзбург), в частности – о так называемой универбации. Несмотря на большое число работ по этой теме, актуальность ее несомненна, что подтверждается прошедшей в апреле 2017 г. в Сараево целиком посвященной этому явлению конференцией Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов.

Наш доклад имеет своей целью определить методологические основания различных взглядов на сущность понятия универбации и тем самым уточнить природу этого явления в свете некоторых данных субстандартных подсистем русского языка. Материалом исследования послужили универбаты из нескольких региональных словарей сленга – неофициальные топонимы, сленговые и разговорные названия учебных предметов и т.п.

Первоначальный смысл универбации – противопоставление мультивербации: то, что было названо несколькими словами, получает однословное название. Таким образом, в понимании универбации изначально присутствовали элементы как динамики, так и статики: универбация – это процесс, результатом которого является универб, или универбат.

Именно рассмотрение универбата как результата – упор на статику универбации – привело некоторых ученых, в основном германистов и романистов, к определению универбации как диахронического процесса. Так,

французская Википедия дает следующий пример: *bonheur* – это универбация старинного выражения *bon heur* ‘bonne chance’, почти то же и итальянская: *pomo d’oro* > *pomodoro*. В английской Википедии прямо говорится: «univerbation is the diachronic process of combining a fixed expression of several words into a new single word» ‘универбация – это диахронический процесс объединения нескольких слов – компонентов устойчивого выражения – в одно новое слово’ – и дается пример: *onto* ← *on to*. Имеется ссылка на афоризм Талми Гивона: *today’s morphology is yesterday’s syntax*. В таких случаях универбат практически полностью отрывается от исходного словосочетания, которое остается за пределами исследования, в глубокой древности. Отметим, что такие взгляды обусловлены также структурно-типологическими особенностями этих аналитических (английского, итальянского, французского и т.д.) языков, в которых подобные стяженные образования действительно по большей части историческое явление.

В то же время динамический характер универбации заставляет ученых сосредоточиваться на одновременном существовании в языке (и реальном функционировании в речи) исходной синтагмы в качестве устойчивого наименования предмета или явления и универбата. Тогда случаи типа *слуховик* ‘певец, который учит партию на слух’, *трубач* ‘передвижной подъемный кран, используемый для укладки труб’ и т.п. вряд ли войдут в список универбатов, так как важно, что синтаксически расчлененная единица должна реально функционировать в качестве наименования, а не носить лишь интерпретационный характер.

Тем самым свертываемая синтагма относится скорее не к области синтаксиса, а к области номинации, т.е. в конечном счете лексики. Универбат в каком-то смысле возвращает наименование, возникшее как неоднословное, расчлененное, в лоно лексики, поскольку слово является наиболее естественной единицей наименования. Исходными наименованиями в этом случае служат в основном сочетания прилагательного и существительного или, реже, двух существительных, одно из которых (второе, стоящее в род. п.) определяет первое: *первомайка* ‘улица Первомайская’, *пуцинка* ‘улица декабриста Пушина’, *отечка* ‘отечественная история (учебная дисциплина)’, *сибка* ‘история Сибири (учебная дисциплина)’.

Высказывается мнение, что «универб в словообразовательном отношении мотивируется не только прилагательным, но одновременно и опорным существительным производящего словосочетания, усекаемым в акте деривации. Например, *атипичка* – это не любое явление атипичной природы, а только *атипичная пневмония*» (Ян Юй).

С сугубой категоричностью такого утверждения можно было бы поспорить. Стяжение *атипичная пневмония* в *атипичка* происходит не просто так, а на фоне действия других факторов, прежде всего, высокой частотности именно данного словосочетания в речи. Так, если посмотреть по Национальному корпусу частотность прилагательного *атипичный*, то окажется, что сочетаний с существительным *пневмония* почти в 4 раза больше, чем с другими, вместе взятыми (107 по сравнению с 29).

То есть если мы исходим из динамики процесса, то, действительно, явной представляется семантическая мотивация универбата всем исходным сочетанием (прилагательное + существительное), что обусловлено высокой частотностью употребления исходной синтагмы.

Но когда универбат уже образован, отсутствие в его составе эксплицитно выраженной предметной части обуславливает тот факт, что единица становится широкозначной, о чем говорится во многих работах. То есть именно универбная форма способствует расширению семантики, что было принципиально невозможно для мультивербной формы. Отсюда и наличие различных ЛСВ, объединенных одной и той же формой: *вышка* 'высшее образование; учебная дисциплина – высшая математика; Высшая школа бизнеса; высшая мера наказания'. Это связано с тем, что для универбации в русском языке используется чаще всего один из самых продуктивных, самых многофункциональных суффиксов – *-к(а)* (в соответствии с данными РГ-80 он используется в 8 значениях, уступая в этом только суффиксу *-ин(а)*). Иные суффиксальные типы (*Чистюки* 'Чистые пруды', *Рижак* 'Рижский вокзал') не демонстрируют продуктивности. Правда, в последнее время другим весьма актуальным способом образования универбатов признается усечение: *политех* 'политехнический университет', *Ольга* 'Ольгинская набережная'. Нередко один и тот же объект получает несколько наименований разного характера: *алтай//алтайка* 'улица Алтаева', *рига//рижка* 'Рижский проспект'.

Между тем подсчеты по нашим источникам дал почти равные доли *ка-*универбатов и усеченных образований: если сумму их принять за 100 %, то первых обнаружилось 48, вторых – 52 %. Возможно, усеченные образования становятся более частым видом универбатов по сравнению со знаменитой *ка-*универбацией?

Однако здесь следует учитывать тот факт, что в данном случае мы имеем не реальное функционирование универбатов в речи, а лишь зафиксированный в словаре результат. Поэтому с целью проверки возможного наличия зависимости между формой универбатов и степенью их употребляемости в речи нами был проведен небольшой эксперимент. Студентам МГЛУ были розданы анкеты с просьбой выбрать из ряда универбных вариантов тот, который, с точки зрения информанта, является наиболее подходящим для обозначения данного объекта в неофициальной, разговорной, сленговой речи. Было выбрано 10 таких объектов – 5 улиц и 5 учебных предметов: 'переулок Загородный' (*загород* – *загородка*), 'улица Ижорского батальона' (*ижоры* – *ижы* – **ижорка*), 'улица Коммунальная' (*коммуна* – *коммуналка* – *коммок*), 'Рижский проспект' (*рига* – *рижка*), 'улица Юбилейная' (*юбик* – *юбилей* – *юбка* – *юбилейка*), 'зарубежная литература, история, философия' (*заруба* – *зарубежка*), 'дискретная математика' (*дискрет* – *дискра* – **дискретка*), 'гражданское право' (*граждана* – *гражданка*), 'обучение военному делу' (*война* – *военка*), 'лекция или практика по почвоведению' (*почка* – **почва* – **почвоведка*). Универбные названия

в основном были взяты из названных нами источников, однако в нескольких случаях, помеченных звездочкой, были указаны не зафиксированные ранее, а сконструированные универбаты.

Всего было собрано 290 анкет. Для каждого универбата вычислялся процент выбравших именно этот вариант (сумма по каждому из исходных слов могла не быть равной 100 %, так как допускалось более одного ответа).

Оказалось, что в целом все *ка*-универбаты гораздо более привлекательны для носителей языка, чем остальные слова: их выбрали от 45 до 94 % респондентов. Напротив, лишь от 3 до 45 % респондентов выбирали не *ка*-универбат. Интересно, что тип усечения – при отсутствии суффиксации – в меньшей степени повлиял на выбор респондентов, например, процент выбравших *ижсы* и *ижоры* (улица Ижорского батальона) одинаков.

Таким образом, выбирая тип наименования для уже названного, иными словами, участвуя в акте реноминации, носители языка все же отдают предпочтение определенной форме, а именно, материальному форманту (суффиксу *-к(а)*). На наш взгляд, именно форма как яркое внешнее проявление компрессии языковой единицы заставляет лингвистов выделять универбацию – этот специфический словообразовательный прием, в котором тесно переплетаются морфология и синтаксис.

А. Н. Лундышева

ХАРАКТЕР ПРОИЗВОДЯЩЕЙ БАЗЫ И ЕЕ УЧАСТИЕ В ПРОЦЕССАХ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ АМЕРИКАНСКОГО И РУССКОГО СЛЕНГА

Под производным характером производящей базы в данном исследовании в соответствии с общераспространенным употреблением этого термина в дериватологии подразумевается ее словообразовательная производность.

В абсолютном большинстве случаев процесс морфологической деривации в анализируемых языках задействует непродуцируемые базы (75,2 % в американском сленге; 71 % в русском сленге): *fiveer* ‘a five-year prison sentence’; *квартирник* ‘рок-концерт, проходящий на квартире у кого-то’.

Полученные данные на материале субстандарта соотносимы с общей тенденцией в ЛЯ: словообразовательные производные менее активны в словообразовании, чем структурно простые единицы.

Производные базы задействованы морфологической деривацией в обоих языках в меньшем объеме (24,8 % в американском сленге; 29 % в русском сленге): *bubblegumer* ‘a young adolescent’; *безвыходняк* ‘безвыходное положение’.

Анализ отдельных способов морфологической деривации с точки зрения вовлечения в процесс номинации простых/производных баз свидетельствует о том, что в американском и русском сленге отмечены несколько разные тенденции¹ (таблица).

¹ Из рассмотрения исключались базы, образованные сложением в силу их двусоставного характера.